

Алекс Краас

Красавица
За рулем!

18+

Aleks Kraas

Красавица за рулём

<https://litres.ru/74669848>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктории пятьдесят. Она стройная блондинка со вторым размером груди, внимательными серыми глазами и привычкой, которая шокировала бы её коллег, — она коллекционирует молодых пассажиров. Такси — её сцена, её охотничье угодье, её способ оставаться живой. Каждую неделю новый парень: двадцать, двадцать пять, двадцать семь. Один раз — и навсегда до свидания. Никаких телефонов, никаких повторов, никаких «а можно ещё раз».

Aleks Kraas

Красавица за рулём

Глава 1. Ночная смена

Виктория выехала из таксопарка в десять вечера, как всегда. Диспетчер Инна, сидевшая за стойкой с вечным стаканом кофе, подняла на неё глаза и усмехнулась:

— Опять в ночь?

— А когда ещё? — Виктория поправила зеркало заднего вида, проверила, горит ли зелёный огонёк на крыше. — Днём пробки, днём все злые. А ночью люди другие.

— Ночью люди пьяные, — возразила Инна. — И пристаю́т.

— Вот и хорошо. — Виктория подмигнула. — Хоть какое-то развлечение.

Она села в свою «Киа Рио» — серую, неприметную, с поцарапанным правым крылом, — и выехала на улицу. Москва встретила её огнями: витрины, фонари, фары встречных машин. Город, который никогда не спит. Виктория любила его таким — вечерним, ночным, когда он сбрасывал деловой костюм и надевал что-то более удобное. Когда люди переставали притворяться и становились собой.

Ей было пятьдесят. Она выглядела на сорок с небольшим — стройная, подтянутая, с короткой стрижкой платиновой блондинки и внимательными серыми глазами. Второй раз-

мер груди, который она не прятала под балахонами, а, наоборот, подчёркивала простыми футболками и джинсами. Никакой косметики, кроме туши и блеска для губ. Никаких украшений, кроме тонкой цепочки на шее. Она не пыталась выглядеть моложе. Просто была собой. И этого хватало.

Работа в такси была не мечтой. Мечты остались в прошлом — в той жизни, где у неё был муж, дом, планы на будущее. Потом всё рухнуло. Максим ушёл, дом продали, планы рассыпались. Виктория осталась одна — с машиной, правами и привычкой не сдаваться. Такси стало не профессией, а спасением. Ночные смены — способом не оставаться наедине с тишиной.

А потом появилась привычка. Та, о которой не знала даже Инна. Та, которую Виктория не афишировала, но и не скрывала особо. Молодые пассажиры. Парни от двадцати до двадцати семи. Каждый раз — новый. Каждый раз — один раз. Она выбирала их по глазам: если смотрели с интересом, если улыбались, если не спешили выходить — значит, можно. Она не навязывалась. Не предлагала. Просто везла. А они сами делали первый шаг.

Правило номер один: никаких повторов. Один парень — одна ночь. Максимум — две, если уж совсем хорош. Но не больше. Никаких телефонов, никаких «а можно ещё раз», никаких «я скучал». Всё заканчивалось так же быстро, как и начиналось. Легко. Чисто. Без обязательств.

Она придумала это не сразу. После развода был период,

когда она пыталась строить отношения — нормальные, человеческие, с цветами и разговорами о будущем. Но мужчины её возраста либо были женаты, либо искали сиделку, либо хотели, чтобы она бросила работу и занялась домом. А Виктория не хотела ни того, ни другого, ни третьего. Она хотела чувствовать себя живой. А живой она чувствовала себя только рядом с молодыми.

Первым был Артур. Двадцать четыре года, спортсмен, с телом, которое она могла бы лепить, как скульптуру. Он сел в её такси на Ленинском проспекте, сказал: «До Домодедовской». Она везла его двадцать минут, и всё это время он смотрел на неё в зеркало. Не отводя глаз. А потом, когда они приехали, сказал: «А можно я вас угощу кофе?»

Она согласилась.

Через час они были у него дома. Через два — в постели. Он был напористым, быстрым, как спринтер на короткой дистанции. Она лежала на спине, смотрела в потолок и думала о том, что это неплохо. Не идеально, но неплохо. Утром она уехала до того, как он проснулся. Оставила на тумбочке записку: «Спасибо за ночь. Не звони».

Он не звонил. Она не проверяла.

С тех пор прошло два года. За это время через её постель прошло больше тридцати парней. Она вела дневник — старый блокнот, который хранила в бардачке. Записывала имя, возраст, профессию, короткий комментарий. «Артур, 24, спортсмен. Хорош. Не повторять». «Никита, 21, студент.

Застенчивый, но старательный. Не повторять». «Тимур, 27, танцор. Гибкий, как змея. Не повторять».

Блокнот был её коллекцией. Её трофеями. Её способом помнить, не привязываясь.

В ту ночь она выехала на Садовое кольцо. Город горел огнями, асфальт блестел после дождя. Виктория включила радио — тихо, на волне «Ретро FM», — и замурлыкала себе под нос. Она любила эту музыку. Она напоминала ей о юности, о временах, когда всё было проще.

Первый заказ пришёл через десять минут. «Кузьминки, улица Юных Ленинцев, дом 12». Она нажала «принять» и поехала.

Пассажир ждал у подъезда. Молодой парень в спортивной куртке, с сумкой через плечо. Он сел на заднее сиденье, сказал: «Здравствуйте», — и уставился в телефон. Виктория посмотрела на него в зеркало. Не её тип. Слишком сосредоточенный, слишком занятой. Она молча поехала.

— Долго ехать? — спросил он через минуту.

— Минут двадцать. Если пробок нет.

— Понятно.

Он вернулся к телефону. Виктория вздохнула. Такие ночи тоже бывали. Без приключений. Без искры. Просто работа.

Она высадила его у дома, приняла оплату, пожелала хорошей ночи. И поехала дальше.

Следующий заказ пришёл через полчаса. «Клуб „Марс“ на Маросейке. До Пресни». Она знала этот клуб. Там выступали молодые группы. Там собирались музыканты, художники, вся та творческая молодёжь, которая казалась ей одновременно близкой и чужой.

У клуба её ждал парень с гитарой в чехле. Он стоял под фонарём, в лёгкой куртке, надетой поверх чёрной футболки, и смотрел на дорогу. Когда машина остановилась, он подошёл, открыл заднюю дверь и аккуратно поставил гитару на сиденье. Как будто это было что-то хрупкое. Что-то ценное.

— До Пресни? — спросил он.

— Да. Садитесь.

Он сел. Пристегнулся. И замолчал.

Виктория посмотрела на него в зеркало. Молодой — лет двадцать три, может, двадцать четыре. Тёмные волосы, серые глаза, лёгкая щетина. Не красавец в журнальном смысле, но что-то в нём было. Что-то спокойное. Настоящее.

— Музыкант? — спросила она.

— Ага.

— Что играешь?

— Разное. Своё.

— Своё — это какое?

Он пожал плечами.

— Грустное. Весёлое. Как получится.

Виктория включила радио. Заиграла какая-то попсовая песня. Парень поморщился.

— Можно выключить? — попросил он. — Устал от шума.
Она выключила. И они поехали в тишине.

Это было странно. Виктория привыкла к разговорам. Пассажиры либо болтали без умолку, либо молчали в телефон. Этот — просто молчал. И смотрел в окно. На проплывающие мимо дома, на огни, на ночной город.

— Красиво, — сказал он вдруг.

— Что?

— Город. Ночью. Как будто другой.

Виктория усмехнулась.

— Ночью все другие.

— Да. — Он помолчал. — Ночью можно быть собой. Днём все играют роли.

Она посмотрела на него в зеркало. Он смотрел на неё. И в его глазах не было ни флирта, ни оценки. Просто взгляд. Просто человек.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Даня.

— Виктория.

— Красивое имя.

— Спасибо.

Они доехали до Пресни. Он вышел, взял гитару, наклонился к окну.

— Спасибо. Хорошая ночь.

— И тебе.

Он ушёл. Виктория смотрела ему вслед — как он идёт

к подъезду, как открывает дверь, как исчезает в подъезде. И чувствовала что-то странное. Не голод. Не азарт. Что-то другое. Тёплое. Незнакомое.

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и поехала дальше. Но весь остаток ночи перед глазами стояло его лицо. Спокойное. Настоящее.

И где-то глубоко внутри — там, где она давно ничего не чувствовала, — что-то шевельнулось.

Утром она вернулась в таксопарк. Инна уже варила кофе. — Как смена? — спросила она.

— Нормально. — Виктория села на стул, вытянула ноги. — Один пассажир был... интересный.

— Интересный? — Инна подняла бровь. — В каком смысле?

— Не в том, о чём ты думаешь. Просто... человек. Настоящий.

Инна усмехнулась.

— Ты странная, Вик. То тебе молодые парни нужны, то «настоящие люди». Определись.

— Сама не знаю. — Виктория отпила кофе. — Но что-то в нём было. Что-то такое...

Она не договорила. Не знала, как сказать. Да и надо ли?

Она открыла блокнот и записала: «Даня, 23. Музыкант. Не такой, как все». Потом закрыла и убрала в бардачок.

Но весь день — и весь следующий — она думала о нём. О его голосе. О его глазах. О том, как он смотрел на неё — без оценки, без флирта. Просто смотрел.

И где-то глубоко внутри она понимала: это не пройдёт. Это не закончится, как все остальные. Это только начало.

Глава 2. Правило номер один

Правило номер один Виктория сформулировала для себя давно, ещё в те времена, когда только начинала работать в такси. Звучало оно просто: никаких повторов. Один парень — одна ночь. Максимум две, если уж совсем хорош. Но не больше. Никаких «давай ещё раз», никаких «я скучал», никаких утренних звонков с вопросом «ты где». Всё должно было заканчиваться так же быстро, как и начинаться: легко, чисто, без обязательств.

Она пришла к этому правилу не сразу. После развода с Максимом был период, который она сама называла «смутным временем». Три года, когда она пыталась строить отношения — нормальные, человеческие, с цветами, ужинами при свечах и разговорами о будущем. Три года, которые закончились одинаково: разочарованием. Мужчины её возраста либо были женаты, либо искали сиделку, либо хотели, чтобы она бросила работу и занялась домом. А Виктория не хотела ни того, ни другого, ни третьего. Она хотела чувствовать себя живой. А живой она чувствовала себя только рядом с молодыми.

Первым был Артур. Двадцать четыре года, спортсмен, с

телом, которое она могла бы лепить, как скульптуру. Он сел в её такси на Ленинском проспекте, сказал: «До Домодедовской». Она везла его двадцать минут, и всё это время он смотрел на неё в зеркало. Не отводя глаз. А потом, когда они приехали, сказал: «А можно я вас угощу кофе?»

Она согласилась.

Через час они были у него дома. Через два — в постели. Он был напористым, быстрым, как спринтер на короткой дистанции. Она лежала на спине, смотрела в потолок и думала о том, что это неплохо. Не идеально, но неплохо. Утром она уехала до того, как он проснулся. Оставила на тумбочке записку: «Спасибо за ночь. Не звони».

Он не звонил. Она не проверяла.

С тех пор прошло два года. За это время через её постель прошло больше тридцати парней. Она вела дневник — старый блокнот, который хранила в бардачке. Записывала имя, возраст, профессию, короткий комментарий. «Артур, 24, спортсмен. Хорош. Не повторять». «Никита, 21, студент. Застенчивый, но старательный. Не повторять». «Тимур, 27, танцор. Гибкий, как змея. Не повторять».

Блокнот был её коллекцией. Её трофеями. Её способом помнить, не привязываясь.

Той ночью, после встречи с Даней, Виктория вернулась домой под утро. Квартира встретила её тишиной — малень-

кая однушка на Юго-Западной, с диваном, телевизором и окном, выходящим на шумную улицу. Она сняла куртку, бросила ключи на тумбочку, прошла на кухню. Налила себе чаю, села за стол. И задумалась.

Даня. Двадцать три года. Музыкант. Не такой, как все.

Она прокручивала в голове их разговор. Его голос, его взгляд, его слова: «Ночью можно быть собой. Днём все играют роли». Он сказал это просто, без пафоса. Как будто делился чем-то сокровенным. И она — Виктория, которая привыкла, что мужчины говорят с ней только о сексе или о работе, — вдруг почувствовала, что её увидели. Настоящую. Не «водителя такси», не «женщину пятидесяти лет», не «объект для съёма». Просто человека.

Это было странно. И немного пугало.

Она допила чай, приняла душ и легла спать. Но сон не шёл. В голове крутились мысли — хаотичные, злые, беспомощные. Она думала о Дане. О его глазах. О том, как он смотрел на неё — без оценки, без флирта. Просто смотрел.

«Забудь, — сказала она себе. — Он просто пассажир. Один из многих. Завтра будет новый».

Но завтра был выходной. А послезавтра — снова смена. И она знала, что будет искать его. В клубах, на улицах, в толпе. Потому что не могла иначе.

Через два дня она вышла на смену. Всю ночь она ловила

себя на том, что всматривается в пассажиров. Молодой парень с гитарой? Нет, не он. Парень в кожаной куртке? Нет. Парень с серыми глазами? Нет.

Она злилась на себя. Это было глупо. Это было против всех её правил. Она никогда не искала. Она всегда позволяла находить себя.

Но в ту ночь она сама поехала к клубу «Марс». Просто так. Без заказа. Припарковалась напротив и стала ждать.

Он вышел около полуночи. С гитарой в чехле, в той же лёгкой куртке. Постоял на крыльце, закурил. Она смотрела на него через лобовое стекло и чувствовала, как внутри что-то сжимается.

Она вышла из машины.

— Даня.

Он обернулся. Удивление в глазах — искреннее, без прикрас.

— Виктория? — Он узнал её. — Вы... здесь?

— Я здесь работаю. — Она кивнула на машину. — Подвезти?

Он помедлил. Потом улыбнулся — открыто, тепло.

— А вы не заняты?

— Для тебя — свободна.

Он сел в машину. Поставил гитару рядом. Пристегнулся.

— Куда? — спросила она.

— А куда вы скажете.

Она посмотрела на него в зеркало. Он смотрел на неё. И в

его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Не флирт. Не похоть. Что-то другое. Интерес. Настоящий.

— Тогда ко мне, — сказала она.

Он не удивился. Просто кивнул.

— Хорошо.

Они ехали молча. Виктория чувствовала, как внутри неё что-то натягивается, как струна. Она не привыкла к тишине. Она привыкла к разговорам, к флирту, к игре. А здесь — тишина. И это было... невыносимо.

— Ты не против? — спросила она наконец.

— Чего?

— Что я тебя... пригласила.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я не против. Я сам хотел тебя увидеть.

— Правда?

— Правда. — Он посмотрел на неё в зеркало. — Я думал о тебе. После той ночи.

Виктория почувствовала, как краска заливает щёки. Она не краснела уже давно. Забыла, как это.

— Я тоже, — призналась она.

Они доехали до её дома. Поднялись на этаж. Она открыла дверь, пропустила его вперёд. Он вошёл, огляделся — скромная квартира, чистая, уютная. Ничего лишнего.

— Хорошо у тебя, — сказал он.

— Спасибо.

Она налила вина. Они сели на диван. И снова — тишина. Но на этот раз она не раздражала. На этот раз она была... наполненной. Как будто они говорили без слов. О чём-то важном.

— Расскажи о себе, — попросила она.

Он рассказал. О том, что играет в маленьких клубах, пишет песни, мечтает записать альбом. О том, что живёт один, снимает студию на Пресне. О том, что не любит шум, суету, большие компании. О том, что любит тишину, книги, дождь.

Виктория слушала и чувствовала, как внутри неё что-то тает. Она привыкла к мужчинам, которые говорили только о себе — о своих достижениях, планах, амбициях. Даня говорил о другом. О том, что его трогало. О том, что он любил.

— А ты? — спросил он.

— Что я?

— Расскажи о себе. Не про такси. Про тебя.

Она задумалась. Давно никто не спрашивал её о ней. Все спрашивали, сколько зарабатывает, как живёт, есть ли мужчина. А он спросил просто: «Расскажи о себе».

— Я не знаю, что рассказывать, — честно сказала она. — Я обычная. Работаю, живу. Ничего особенного.

— Неправда, — сказал он. — В тебе есть что-то. Что-то... настоящее.

Она посмотрела на него. В его глазах не было лжи. Только спокойная уверенность.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Он наклонился и поцеловал её. Медленно, осторожно, как будто пробовал на вкус. Она ответила, обвив руками его шею. И в этом поцелуе было всё: нежность, желание, что-то ещё — то, чего она не испытывала давно. Близость.

Они переместились в спальню. И всё было иначе, чем с другими. Не было спешки, не было жадности. Он целовал её медленно, долго, как будто изучал. Каждое прикосновение было вопросом. Каждый ответ — согласием. Она стонала, впиваясь в его плечи, и чувствовала, как внутри что-то рушится. Стена, которую она строила двадцать лет. Та, что защищала её от боли. Та, что не подпускала никого близко.

Он вошёл в неё — глубоко, медленно. Она смотрела ему в глаза. И видела там не похоть. Что-то другое. Что-то, чего она боялась всю жизнь. Близость.

После они лежали, глядя в потолок. Он держал её за руку. Она чувствовала его тепло, его дыхание, его сердцебиение. И думала о том, что впервые за долгое время ей не хочется, чтобы это заканчивалось.

— Ты останешься? — спросила она.

— Останусь.

Она закрыла глаза. И впервые за много лет заснула спокойно. Без снов. Без кошмаров. Просто спала.

А утром, когда она проснулась, его уже не было. На по-

душке лежала записка: «Спасибо за ночь. Я позвоню».

Виктория прочитала её и улыбнулась. Впервые за долгое время — искренне. А потом поняла: она нарушила своё главное правило. И, кажется, ей это нравилось.

Глава 3. Гитара на заднем сиденье

Виктория не привыкла ждать звонков. Обычно она сама решала, когда и с кем. Оставляла номер, если хотела, или не оставляла, если не хотела. Но чтобы вот так — сидеть с телефоном в руке и ждать, как девчонка после первого свидания, — такого не было давно. Может, никогда.

Даня позвонил через два дня. Не через неделю, не через час — через два дня, как будто специально выдерживал паузу. Виктория как раз возвращалась со смены, усталая, с пустым термосом и головой, забитой чужими разговорами. Телефон завибрировал, когда она парковалась у дома. Она взглянула на экран — незнакомый номер — и почему-то сразу поняла, кто это.

— Алло?

— Привет. Это Даня. — Голос спокойный, чуть хриловатый, как будто он только что проснулся или много курил. — Я обещал позвонить.

— Обещал, — согласилась она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ты не занята?

— Только что вернулась. Устала.

— Тогда я не буду долго. — Он помолчал. — Я хотел тебя

увидеть. Не на работе. Просто так.

Виктория прислонилась к машине, чувствуя, как внутри что-то ёкает. «Просто так». Она не знала, что это значит. С другими мужчинами всё было просто: встреча, ночь, утро, прощание. А здесь — «просто так». Как будто он предлагал не секс, а что-то другое.

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

— У меня завтра концерт. Маленький клуб на Пресне. Приходи. Послушаешь.

— Я не любительница таких мест.

— Знаю. — Он усмехнулся. — Но попробуй. Вдруг понравится.

Она помолчала. Потом сказала:

— Хорошо. Во сколько?

— В восемь. Клуб «Марс». Скажешь на входе, что ко мне.

— Хорошо.

— И ещё, — добавил он. — Не думай, что это свидание. Просто приходи. Послушай. А потом — как захочешь.

Он положил трубку. Виктория осталась стоять у машины, глядя на телефон. «Как захочешь». Она не знала, что это значит. Но почему-то от этих слов внутри становилось тепло.

Весь следующий день она думала о том, что надеть. Это было смешно — ей пятьдесят лет, она взрослая женщина, а ведёт себя как подросток перед первым свиданием. Она пе-

ребрала гардероб — джинсы, футболки, пара платьев, которые она надевала по праздникам, — и остановилась на простом чёрном платье с длинным рукавом и V-образным вырезом. Не слишком нарядно, но и не по-рабочему. Волосы она оставила распущенными, хотя обычно собирала в хвост. Нанесла немного туши, блеск для губ. Посмотрела в зеркало и осталась довольна. Не идеально, но она и не стремилась к идеалу.

Клуб «Марс» оказался маленьким подвальным помещением с низкими потолками, тёмными стенами и сценой в углу. Народу было немного — в основном молодёжь, студенты, хипстеры в свитерах и с гитарами за плечами. Виктория чувствовала себя здесь чужой. Слишком взрослой, слишком другой. Но она прошла внутрь, сказала на входе, что она к Дане, и её пропустили без вопросов.

Она нашла свободный столик в углу, заказала себе вина и стала ждать.

Даня вышел на сцену через полчаса. С гитарой, в той же чёрной футболке, с растрёпанными волосами. Он выглядел иначе, чем в такси, — увереннее, что ли. Как будто сцена была его домом.

— Добрый вечер, — сказал он в микрофон. — Меня зовут Даня. Я играю свои песни. Кому-то они покажутся грустными, кому-то — нет. Но я надеюсь, что вы что-то почувствуете.

Он начал играть. И Виктория замерла.

Она не была знатоком музыки. Не разбиралась в аккордах, не знала терминов. Но она слышала. Слышала, как его пальцы касаются струн — нежно, осторожно, как будто он боялся их сломать. Слышала его голос — негромкий, но проникающий куда-то внутрь. Слышала слова — простые, но такие точные, что у неё перехватывало дыхание.

Он пел о городе, который никогда не спит. О людях, которые проходят мимо. О том, как трудно быть собой, когда все ждут от тебя другого. О любви, которая приходит не вовремя.

Виктория сидела, затаив дыхание, и чувствовала, как внутри неё что-то рушится. Не больно. Скорее — освобождающе. Как будто стена, которую она строила годами, дала трещину. И в эту трещину хлынул свет.

Когда он закончил, зал зааплодировал. Не громко, но искренне. Даня кивнул, поблагодарил и сошёл со сцены. Через минуту он уже стоял у её столика.

— Ты пришла, — сказал он, и в его голосе было удивление. Настоящее, без притворства.

— Пришла. — Она улыбнулась. — Ты хорошо поёшь.

— Спасибо. — Он сел напротив. — Не ожидал, что тебе понравится.

— Почему?

— Ты не похожа на тех, кто ходит в такие места.

— А на кого я похожа?

Он задумался.

— На человека, который привык быть сильным. Который не показывает слабости. Который всё контролирует.

Виктория усмехнулась.

— Это плохо?

— Нет. — Он посмотрел на неё внимательно. — Просто... иногда полезно отпускать контроль. Хотя бы на время.

Она молчала. Он был прав. Она всю жизнь контролировала. Работу, отношения, чувства. Она не позволяла себе расслабляться. Потому что расслабиться — значит стать уязвимой. А уязвимость — это боль.

— Ты хочешь есть? — спросил он вдруг.

— Что?

— Есть хочешь? Я знаю одно место тут рядом. Готовят ужасно, но открыто до утра.

Виктория засмеялась. Впервые за долгое время — искренне, легко.

— Хочу.

Они просидели в той забегаловке до трёх утра. Ели какие-то невероятные бургеры, пили дешёвый кофе, разговаривали. О музыке, о жизни, о прошлом. Даня рассказал о своей семье — о матери, которая умерла, когда ему было шестнадцать, об отце, который так и не смог смириться с потерей. О том, как он начал играть на гитаре, чтобы заглушить боль. О том, как это стало его спасением.

Виктория слушала и чувствовала, как внутри неё что-то тает. Она привыкла к мужчинам, которые говорили только о себе — о своих достижениях, планах, амбициях. Даня говорил о другом. О том, что его трогало. О том, что он любил. О том, что болело.

— А ты? — спросил он. — Расскажи о себе. Не про такси. Про тебя.

Она задумалась. Давно никто не спрашивал её о ней.

— Я не знаю, что рассказывать, — честно сказала она. — Я обычная. Работаю, живу. Ничего особенного.

— Неправда, — сказал он. — В тебе есть что-то. Что-то... настоящее.

Она посмотрела на него. В его глазах не было лжи. Только спокойная уверенность.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Он наклонился и поцеловал её. Медленно, осторожно, как будто пробовал на вкус. Она ответила, обвив руками его шею. И в этом поцелуе было всё: нежность, желание, что-то ещё — то, чего она не испытывала давно. Близость.

Они поехали к нему. Маленькая студия на Пресне, гитары на стенах, книги на полу, чашка с остывшим чаем на подоконнике. Он включил лампу, налил вина. И снова — тишина. Но на этот раз она не раздражала. На этот раз она была... наполненной.

— Ты не против? — спросил он.

— Чего?

— Что я не такой, как другие. Не богатый, не крутой. Просто музыкант.

— Я не ищу богатых, — сказала она. — Я ищу... настоящих.

Он улыбнулся. И поцеловал её снова. На этот раз — глубже, смелее. Она ответила, чувствуя, как внутри нарастает волна. Не физическая — хотя и она была. А какая-то другая. Глубинная. Словно она наконец нашла то, что искала всю жизнь.

Они занимались любовью на его узком диване. Медленно, долго, как будто боялись, что это закончится слишком быстро. Виктория стонала, впиваясь ногтями в его спину, и чувствовала, как внутри неё что-то рушится. Стена, которую она строила двадцать лет. Та, что защищала её от боли. Та, что не подпускала никого близко.

После они лежали, глядя в потолок. Он держал её за руку. Она чувствовала его тепло, его дыхание, его сердцебиение. И думала о том, что впервые за долгое время ей не хочется, чтобы это заканчивалось.

— Ты останешься? — спросил он.

— Останусь.

Она закрыла глаза. И впервые за много лет заснула спокойно. Без снов. Без кошмаров. Просто спала.

А утром, когда она проснулась, он был рядом. Не ушёл.

Не оставил записку. Просто лежал, обнимая её, и смотрел, как она просыпается.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

И в этом простом «доброе утро» было больше, чем во всех словах, которые она слышала за последние годы.

Глава 4. Второй раз

Утро в квартире Дани началось неспешно. Виктория проснулась от того, что солнечный свет бил в окно, — окна выходили на восток, и шторы были слишком тонкими, чтобы его сдержать. Она полежала немного, глядя в потолок, слушая, как на кухне гремит посуда. Пахло кофе. Настоящим, молотым, а не растворимым.

Она села на диване, поправила сползшую футболку — его футболку, которую он ей дал ночью, — и прошла на кухню. Даня стоял у плиты, в одних шортах, с растрёпанными волосами, и что-то помешивал в маленьком ковшике.

— Доброе утро, — сказала она.

Он обернулся, улыбнулся.

— Доброе. Как спалось?

— Хорошо. Давно так не спала.

— Это хорошо. — Он кивнул на стол. — Садись. Сейчас будет завтрак.

Она села. Стол был маленький, шаткий, заваленный книгами и бумагами. Даня сдвинул их в сторону, поставил перед ней тарелку с яичницей и чашку кофе. Просто, но вкусно.

Виктория ела и чувствовала, как внутри что-то успокаивается. Не то чтобы она привыкла к роскоши — нет, она всю жизнь жила скромно. Но здесь было по-другому. Здесь было... тепло.

— Ты часто так делаешь? — спросила она.

— Что?

— Завтраки.

Он усмехнулся.

— Не часто. Обычно на ходу. Но сегодня особенный день.

— Почему?

— Потому что ты здесь.

Виктория опустила глаза. Она не привыкла к комплиментам. Особенно к таким — простым, без пафоса. Она привыкла к другим: «Ты классно выглядишь», «У тебя отпадная фигура», «Ты секси». А здесь — «Потому что ты здесь». И это было... неожиданно.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Они ели молча. Потом Даня отставил тарелку и посмотрел на неё.

— Можно вопрос?

— Можно.

— Почему ты работаешь в такси?

Она задумалась. Обычно она отвечала коротко: «Деньги нужны». Но здесь это казалось неправильным. Слишком просто. Слишком поверхностно.

— Я не всегда работала в такси, — сказала она. — Рань-

ше у меня был муж. Дом. Планы. Потом всё рухнуло. Муж ушёл, дом продали, планы рассыпались. Я осталась одна — с машиной, правами и привычкой не сдаваться.

— А почему он ушёл?

Она помолчала. Потом сказала — честно, как не говорила никому:

— Потому что я перестала быть интересной. Я была женой. Хозяйкой. Той, кто ждёт дома. А он хотел другого. Молодую. Яркую. Не меня.

Даня молчал. Смотрел на неё внимательно.

— И ты решила, что больше никогда не будешь ждать дома?

— Что-то вроде того.

— И поэтому ты... — он запнулся, подбирая слово, — коллекционируешь молодых парней?

Виктория напряглась. Она не ожидала, что он спросит об этом так прямо.

— Откуда ты знаешь?

— Догадался. — Он пожал плечами. — Ты не похожа на женщину, которая спит с кем попало. Ты слишком... расчётливая. Как будто выбираешь.

Она усмехнулась.

— Расчётливая. Да. Наверное.

— Почему?

— Потому что так проще. — Она отпила кофе. — Когда ты спишь с кем-то один раз, ты не привязываешься. Не

ждёшь. Не боишься, что он уйдёт. Потому что он уйдёт в любом случае. Это правило.

— И ты никогда его не нарушала?

Она замерла. Вопрос повис в воздухе. Она знала ответ. Знала, что нарушила. С ним. С Даней. И он это знал тоже.

— Нарушила, — сказала она тихо. — С тобой.

Он кивнул. Как будто ждал этого ответа.

— И что теперь?

— Не знаю. — Она посмотрела на него. — Ты не такой, как другие. Я не могу... не могу просто уйти и забыть.

— И не надо.

Она удивлённо подняла на него глаза.

— Что?

— Не надо уходить. И забывать не надо. — Он взял её за руку. — Я не хочу, чтобы это заканчивалось. Я хочу, чтобы это продолжалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.